

Научная статья

УДК 94(470.57).047(=512.141)

doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-55-62

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ АСПЕКТАХ РУССКО-БАШКИРСКИХ ОТНОШЕНИЙ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПЕРИОДА (вторая половина XVI — XVII в.)

Татьяна Анатольевна Чернова

Южно-Уральский государственный аграрный университет, Челябинский государственный университет, Троицк, Россия, chernova1607@yandex.ru, ORCID 0000-0002-4958-5199

Аннотация. Статья посвящена вопросам выстраивания Российским государством отношений с иноверным населением Урало-Поволжья. Пристальному вниманию подвергается обещание Ивана IV сохранить веру и традиции автохтонов, принимающих московское подданство. Рассматриваются истинные причины указа от 16 мая 1681 г., широта их юрисдикции и влияние на башкирское восстание 1681–1684 гг. Автор приходит к выводу о компромиссном характере русско-башкирских отношений интеграционного периода, признавая соблюдение российской стороной договорённостей середины XVI в.

Ключевые слова: ислам, русско-башкирские отношения, российское подданство, башкирские восстания, религиозная политика Российского государства

Для цитирования: Чернова Т. А. К вопросу о религиозных аспектах русско-башкирских отношений интеграционного периода (вторая половина XVI — XVII в.) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2023. № 2. С. 55–62. URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-55-62

Original article

ON THE RELIGIOUS ASPECTS OF THE RUSSIAN-BASHKIR RELATIONS OF THE INTEGRATION PERIOD (the Second Half of the 16th — 17th Centuries)

Tatiana A. Chernova

South Ural State Agrarian University; Chelyabinsk State University, Troitsk, Russia, chernova1607@yandex.ru, ORCID 0000-0002-4958-5199

Abstract. The article is devoted to the issues of building relations between the Russian state and the non-orthodox population of the Ural-Volga region. The work examines the promise of Ivan IV to preserve the faith and traditions of the autochthons accepting Moscow citizenship. It also considers the true reasons for the decree of May 16, 1681, the breadth of their jurisdiction and the impact on the Bashkir uprising of 1681–1684. The author comes to the conclusion about the compromise nature of the Russian-Bashkir relations of the integration period, recognizing the compliance of the Russian side with the agreements of the mid-16th century.

Keywords: Islam, Russian-Bashkir relations, Russian citizenship, Bashkir uprisings, religious policy of the Russian state

For citation: Chernova TA. On the Religious Aspects of the Russian-Bashkir Relations of the Integration Period (the Second Half of the 16th — 17th Centuries). *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archeology.* 2023;(2):55-62. (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-55-62

Введение

События 1552 г. и взятие Казани молодым московским правителем Иваном IV вносили существенные изменения в евразийские макросистемы. И для Европейского региона, и для Великой Степи присоединение Казанского ханства к Москве имело важные последствия. «Происходило смещение центра влияния с номадических «постмонгольских» государственных образований в сторону безусловного доминирования Московского государства» [17, с. 40]. Начиная с середины XVI в. восточные границы Московского государства будут быстрыми темпами расширяться, включая всё новые и новые осколки Золотой Орды. С этого момента перед Российским государством остро стоит вопрос налаживания конструктивных отношений с новыми иноверными подданными. И в данном вопросе российская администрация обнаруживает практичность и дальновзоркость, сделав ставку на компромиссный характер выстраиваемых отношений.

Иллюстрацией могут послужить русско-башкирские отношения во время продолжительной интеграции башкирских союзов племён в страновое пространство Российского государства. Интеграционный период охватывает вторую половину XVI — XVII в. Башкирский край в это время обладал широкой автономией, в том числе по вопросам вероисповедания. Данный пункт был особо оговорён при вхождении башкир в состав Московского царства.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологической основой исследования русско-башкирских отношений периода интеграции Башкирии в состав Российского государства должен стать принцип методологического плюрализма [16, с. 14]. Цивилизационная теория позволит определить особенности социокультурных факторов русско-башкирских отношений (середины XVI — середины XVIII в.): межэтничный и межконфессиональный диалог, ментальные установки и политические традиции, периферийность. Цивилизационный подход в сочетании с теорией модернизации при изучении эволюции отношений Российского государства с башкирскими подданными позволит оценить её с иной, выходящей за рамки стандартной оценки как «наступление на права башкир и ответная реакция».

Результаты исследования и их обсуждение

В 1552 г. после взятия Казани Иван IV призывает народы Поволжья принять российское подданство, обещая сохранить уклад и традиции новых подданных. Одними из первых согласились с этим предложением башкирские союзы племён. При заключении данного соглашения обе стороны выдвинули ряд условий: башкиры просили сохранить за ними земли в статусе вотчин, управление поручить местным тарханам и старостам, а также, как было обещано, не пытаться изменить традиции и верования новых подданных. Со стороны русской администрации было поставлено условие: выплачивать ежегодный ясак (размер которого, однако, был незначителен), нести службу и охранять юго-восточные границы государства [18, с. 69].

Уже то, что при обращении к автохтонам Урало-Поволжья Иван IV делает акцент на сохранение традиций и обычаев, говорит не только о готовности российской администрации идти на компромиссный диалог, но и свидетельствует о понимании важности для традиционных кочевых народов сохранения религии и привычного уклада.

Послы Ивана IV, разъезжавшие по краю после падения Казани, провозглашали свободу вероисповедания местных народов: «...во все земли были направлены послы с грамотами, которые известили: <...> пусть никто не убегает и пусть каждый остаётся при своей вере, соблюдает свои обычаи» [4, с. 33]. В шежере рода Карагай-Кыпсак племени Кыпсак также говорится, что русский царь после взятия Казани «во все земли разослал указы, разослал послов», которые говорили: «Пусть никто не убегает; пусть каждый сохранит свою веру» [4, с. 117]. Можно предположить, что подобные призывы и обещания в условиях XVI в. не могли остаться без внимания со стороны местного населения. Грамоты Ивана IV со словами о том, что от русских не будет гонения за веру, сыграли также положительную роль в пользу принятия башкирами российского подданства. В шежере есть материал, где конкретно говорится, что решили царские власти по этому вопросу в ходе переговоров. В общем шежере племён Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян сказано: «Составили указную грамоту, в которой особо написали о наших землях и религии, дали слово и поклялись башкир, исповедующих ислам, никогда не насиловать в другую религию» [4, с. 79]. Приведённые материалы вполне позволяют сделать однозначный вывод о том, что правительство Ивана IV га-

рантировало свободу вероисповедования, сохранение в крае мусульманской религии. С другой стороны, не во всех шежере упоминается этот пункт, что может быть объяснено тем обстоятельством, что к середине XVI в. ислам в Башкирии ещё только начинает укрепляться. Башкиры приняли мусульманскую веру под культурным влиянием болгар. Следующая попытка исламизации башкир была предпринята только в XIV в. При хане Узбеке ислам становится официальной религией Золотоордынского ханства. В его правление к башкирам с миссионерской целью были посланы мусульманские проповедники. В долинах рек западной Башкирии — Белой, Уршака, Дёмы, Чермасана, Ика — расположены могилы более чем 20 мусульманских миссионеров [20, с. 18; 7, с. 59].

Сохранившиеся памятники, хотя и немногочисленны, безусловно свидетельствуют о проникновении и распространении ислама в башкирской среде. Но спорными остаются несколько моментов. Во-первых, насколько глубоко ислам проник в башкирское самосознание в болгарский период, если при хане Узбеке потребовалось вновь исламизировать башкирские племена. И не свидетельствует ли деятельность проповедников XIV в. о том, что исламские каноны были настолько забыты либо видоизменены язычеством, что потребовалась повторная исламизация башкир [18, с. 70]? Во-вторых, на кладбище, где похоронен Хусаин-бек большая часть надгробий содержит не арабскую вязь, а башкирские тамги. Это обстоятельство также заставляет думать, что для башкир были более важны их родовые знаки, нежели чуждый алфавит. Даже в середине XVI в., принимая российское подданство, башкиры клялись именно родовыми знаками: «дав клятву в подданстве своей птицей и тамгой, Урак бий вернулся, согласившись платить в казну по одной кунице с каждого дома» [8, с. 58]. В-третьих, инициаторами приглашения проповедников и создания памятников мусульманской культуры были отнюдь не башкиры, а ногайский хан Барач и самаркандский эмир Тамерлан [20, с. 20–21].

Таким образом, следует признать, что исламизация башкир в болгарский и ордынский период была поверхностной, ислам хотя и проникал в башкирское сознание, но крайне медленно. Брат Иоганка, побывавший в Башкирии в начале XIV в., утверждает, что ислам ещё не стал для них «родной» верой: «когда мы проповедовали им, они сказали: “Если бы вы сначала пришли, то мы во всяком случае приняли бы эту веру, но государям по-

стыдно, принявши один закон, с лёгкостью отступать от него и переходить к другому”» [3, с. 92]. Исламизация башкир происходила «сверху», по решению ногайских или монгольских правителей, сами же башкиры продолжали придерживаться языческих и тенгрианских обычаев.

Можно с уверенностью говорить о том, что на момент вхождения в состав Московского государства и выдвижения условий этого союза религиозный вопрос для башкир не был столь острым и столь определяющим, как решение земельного вопроса. Неудивительно поэтому, что не во всех шежере упоминается об этом условии, в то время как разрешение Ивана IV владеть землёй на правах вотчинника подчёркивается особо, иногда даже несколько раз.

Тем не менее данное условие, выдвинутое отдельными племенами, так же было принято и выполнено московской администрацией.

Как мы видим, начало русско-башкирских отношений не было окрашено распрями и конфликтами на религиозной почве. Однако трансформация Российского государства, происходящая в XVII в., не могла не затронуть башкирских подданных. Это создавало дополнительную напряжённость как в регионе, включение которого в административную систему государства ещё не завершилось, так и в государстве в целом. XVII в. для Российского государства был переломным, определяющим вид и цивилизационную характеристику нарождающейся империи.

Модернизации, изменениям, пересмотру подвергались все аспекты отношений подданных с государством. Не обошло вниманием правительство и отношения с урало-поволжскими мусульманами. Указ царя Фёдора Алексеевича от 16 мая 1681 г. расценивается как апофеоз притеснения исламской веры, окончательное решение властей изменить конфессиональную карту Урало-Поволжья, и даже как главная причина башкирского восстания 1681–1684 гг.

Начиная с «наказной грамоты» (1555 г.) Ивана IV первому казанскому архиепископу Гурию русское государство стремится выстроить систему отношений с мусульманскими подданными — жителями бывшего Казанского ханства. На первом месте было создание условий для перехода новых подданных в православие. Светская власть в России испокон века опиралась на православную церковь, а православное население было социальной опорой царской власти, поэтому с присоединением Казанского ханства перед властью очень остро стоял вопрос о формировании

у казанцев «верноподданнических чувств» по отношению к новому правителю. И РПЦ должна была идти в авангарде этого движения. «Акт принятия православия своеобразным образом демонстрировал готовность местного населения принять изменившиеся властные отношения, рассматривать московскую власть не как вчерашнего врага и узурпатора, а как легитимного правителя» [18, с. 69].

Созданная Казанская епархия хотя и охватывала огромную территорию [9, с. 29–30], на деле реализация полномочий зависела от степени освоенности региона. Башкирский край, формально входя в состав Казанской епархии, был слишком автономен от центральной власти, чтобы говорить о массовом проникновении православных миссионеров [13, с. 140, 143–144; 6, с. 146]. Долгое время церковное строительство, да и то не особо активно, веорсь преимущественно близ г. Уфы — оплота московской власти в регионе.

Круг миссионерских интересов архиепископа Гурия очерчивался представителями титулованной татарской знати, другие народы не упомянуты [6, с. 148]. Крещение представителей местной элиты и воинов бывшего ханства являлось наиболее эффективным средством инкорпорации их в российскую социальную иерархию.

Чтобы стимулировать переход мусульман в православие, московское правительство прибегало к материальному вознаграждению новокрещен. Размер вознаграждения зависел от социального статуса человека [14, с. 18].

Другой немаловажной задачей было дальнейшее сопровождение неофитов, включение их в православное общество, недопущение возврата к прежним верованиям. Царская грамота от 18 июля 1593 г. ориентировала власти на принятие мер по удержанию новокрещен в лоне православной церкви. Данный указ также призван защитить русское православное население от исламского и от католического влияния: «многие де русские полоняники живут у татар, ...и пьют с ними, и едят с одного и женятся у них, да многие ж де русские люди, ...живут у немец..., добровольно и в деньгах, и те де все люди также крестьянские веры отпали и превратились у татар в татарскую веру, а у немец в римскую и в лютерскую веру» [15].

Здесь чётко вырисовывается другая сторона проблемы, о которой в историографии практически не упоминается — исламизация пришлого, прежде всего русского населения края. Тем более сложно понять, насколько добровольно шёл

переход из православия в ислам, католичество или лютеранство, если учитывать, что речь идёт о «полоняниках», зависимых людях. Правительство стремилось защитить своих исконных подданных, не допустить массового распространения ислама среди русских. «Православное население было социальной опорой самодержавия, неудивительно, что любая попытка посягнуть на данную страту рассматривалась государством как посягательство на саму власть и мгновенно пресекалась» [19, с. 70].

Если позиция государства по отношению к татарам в конце XVI — начале XVII в. вполне ясна и выражалась в поощрении принятия православия, с одной стороны, и защите русского населения от исламизации, с другой, то вопрос с христианизацией башкир остаётся открытым. Крайне мало информации о миссионерах, действовавших на территории Башкирского края в этот период. С другой стороны, Башкирский край в принятых указах не упоминается, тут мы видим наглядное проявление той широкой автономии и духовной свободы, которую получили башкиры, добровольно признав над собой власть Москвы.

Во второй половине XVI — начале XVII в. государство придерживалось своих обещаний не преследовать религию и обычаи башкир. Во всяком случае нет прямых свидетельств о массовой христианизации населения края, тем более насильственной. Планы по христианизации жителей бывшего Казанского ханства затрагивали прежде всего татар, а не башкир. Скорее всего, это связано с тем, что, имея в прошлом опыт государственного устройства, разветвлённую сеть мечетей и медресе, многочисленных образованных мулл и имамов, Казань представляла бóльшую угрозу для государства, нежели разрозненные башкирские роды с поверхностной исламизацией и крепкими доисламскими традициями. Русская колонизация Башкирского края также численно уступала переселенцам в Казани, поэтому говорить об исламском влиянии башкир на русских также не приходится. Башкиры, живя автономно, не создавали конфессиональных проблем для Москвы, поэтому и не удивительно, что на протяжении почти века после принятия подданства башкирами государство практически не вмешивалось в их духовную жизнь.

В начале XVII в. государство продолжает защищать православное население от притеснений. С 1627 г. мусульманам было законодательно запрещено иметь собственных холопов-православных. Ограничение обосновывается тем, что «пра-

вославному христианину от иноверцев чинится теснота и осквернение» [цит. по: 14, с. 19].

В середине XVII в. принимается ряд законов, ограничивающих земельладельческие права иноверцев, как бы подталкивая их к смене вероисповедания ради сохранения своих привилегий. Однако речь вновь идёт прежде всего о татарах, башкиры оставались на периферии этого движения.

Указ от 16 мая 1681 г. некоторыми историками трактуется как провозглашение принципа насильственной христианизации [2; 5; 6; 10], но надо обратить внимание, что это были лишь ответные шаги правительства на притеснения православных крестьян со стороны феодалов-мусульман: «...мурзы и татарове в поместьях своих и в вотчинах крестьянам чинят много налоги и обиды, и принуждают их к своей басурманской вере и чинят осквернение...» [12, с. 312–313]. В тексте указа не названы конкретные «обиды», но можно предположить, что речь идёт о бытовом непонимании между православными и мусульманами. Государство, в 1590-х гг. уже обозначившее своё негативное отношение к исламизации русских крестьян, вновь было вынуждено защищать своих православных подданных. Поскольку ситуация была не нова и мусульмане прекрасно представляли реакцию властей, неудивительно, что указ от 16 мая 1681 г. регламентирует довольно жестокое наказание за притеснения православных — вотчинники теряли свои земли: «мурзам и татаром сказать, что изпомещены они будут» [12, с. 313]. Впрочем, следует напомнить, что ещё в 1653 г. был издан подобный указ, касающийся инославных. У немцев, которые ввели налоги для православных крестьян, были изъяты поместья [11, с. 292]. Наказание последовало после того, как стало известно об «онемечивании» православных: «...некрещёные немцы, им крестьяном чинили всякую налогу и утеснение в нашей православной христианской вере... и крестьянским душам многое осквернение, ...и с ними неволею всячески приобщались, и от святыни, по неволе от них немец, отлучались» [11, с. 292–293]. Очевидно, что государство резко негативно относилось к любой попытке отлучения русских подданных от православной веры, вне зависимости от инициатора, будь то немец или татарин. Ислам никоим образом не выделялся, наоборот, ставился на одну ступень с другими конфессиями. Указ 1681 г. также констатировал привилегии новокрещённым.

Что касается других этносов Урало-Поволжья, в указе упоминается мордва, а также «иных вер иноземцы», для которых действовали те же льготы [12, с. 313]. Таким образом, в данном указе башкиры опять напрямую не упоминаются. Если даже согласиться с некоторыми историками, что указ от 16 мая 1681 г. охватывал не только территорию бывшего Казанского ханства, как было с предыдущими указами, но и простирался на территорию Башкирского края [2; 5; 6; 10], подобное вмешательство в духовную жизнь региона было осуществлено впервые через 124 года после вхождения в состав государства.

Указ от 16 мая 1681 г. был направлен на христианизацию аристократической элиты татар, а шестилетняя льгота от налогов и повинностей должна была способствовать крещению ясачного населения [5, с. 88]. Говорить о массовой насильственной христианизации, озаменованной изданием данного указа, будет неверно. Государство лишь защищало своих православных подданных.

Впрочем, мусульмане также были подданными, и государство не собиралось идти на полный разрыв отношений с ними. Недовольство иноверцев указом от 16 мая 1681 г. стало не последней причиной, вынудившей правительство пойти на его отмену уже через год.

Нельзя отрицать тот факт, что сами попытки государства мотивировать народы Урало-Поволжья сменить веру, создавали дополнительную нервозность в отношениях с подданными. Указы, направленные на социальную защиту новокрещённых, доказывают, что неблагополучная в социально-экономическом плане группа ясачного населения, вероятно, воспользовалась предоставленным шансом улучшить своё благосостояние, однако, растеряв предоставленные правительством преимущества, вскоре превратилась в батраков [5, с. 74]. Наметился своеобразный раскол внутри инородческого общества, что также не стабилизировало ситуацию на национальных окраинах. Накладываясь на сложные налоговые и поземельные отношения, всё это приводило к серьёзным последствиям. И хотя основным мотивом многочисленных башкирских восстаний было прежде всего желание сохранить экономические привилегии, требования о сохранности ислама также были названы повстанцами, которые стремились к сохранению полной автономии и невмешательства государства не только в жизнь мусульманского населения, но и в их отношения с зависимыми от них представителями других национальностей.

Маловероятно, что указ 1681 г. мог быть главной причиной восстания башкир 1681–1684 гг., так как территорией действия указа были «низовые города». Впрочем, башкирские земли, хотя и были слабо освоены, но не были изолированы, поэтому логично, что они знали об этом указе, но то, что они испытали на себе его действие, крайне маловероятно. Борьба имела многостороннюю мотивацию: религиозный вопрос для повстанцев был тесно переплетён с социальным и увязывался с сохранением прежнего статуса. Нельзя исключить и того, что руководители восстания внесли свою лепту в вольную интерпретацию указа от 16 мая 1681 г., называя его началом тотального принудительного крещения всех народов Поволжья и Приуралья [5, с. 74; 1, с. 14–17].

Башкиры, поднимая восстание и сражаясь за свои права, «превентивно» требовали от государства подтверждения неприкосновенности своих религиозных прав, что и было сделано властями, к тому же в документах и нет упоминания о том, что государство планировало расширить территорию действия вышеназванных указов, включив в них башкирские земли. Русские поселенцы в Башкирии были малочисленны вплоть до 1730–1740-х гг., поэтому не требовались какие-

то строгие меры для защиты христианского населения от воздействия мусульман, отсюда и невмешательство государства в конфессиональную жизнь башкир.

Выводы

Поэтому неправомерно говорить об исключительном положении ислама в Российском государстве в XVI–XVII вв. Также необоснованным является тезис о насильственной христианизации башкир. В указах данного периода Башкирский край практически не упоминается. Государство старалось посредством православного просвещения инкорпорировать прежде всего элиту, а затем уже ясачное население бывшего Казанского ханства. Башкиры же, в силу своей автономии, долгое время находились в стороне от этого процесса. Можно с уверенностью утверждать, что с башкирскими подданными Российское государство стремилось выстроить конструктивные отношения, базирующиеся на компромиссе и взаимной заинтересованности. Именно такой подход позволил башкирам длительное время пользоваться широкой автономией и всевозможными привилегиями.

Список литературы

1. Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское собрание в конце XVIII — XIX в. Уфа : Гилем, 1999. 193 с.
2. Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–XVIII вв. — феномен в истории народов Евразии. Уфа : Китап, 2016. 376 с.
3. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М. ; Л., 1940. Т. III. С. 71–112.
4. Башкирские шежере / сост., пер. текстов, введ. и коммент. Р. Г. Кузеева. Уфа : Башк. книж. изд-во, 1960. 304 с.
5. Загидуллин И. К. Об указе царя Фёдора Алексеевича «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2016. № 6. С. 62–93.
6. Загидуллин И. К. Социальные аспекты христианского просвещения новокрещен в казанском крае во второй половине XVI — начале XVII в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 146–166.
7. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М. : Наука, 1974. 576 с.
8. Кулбахтин Н. М. Грамоты русских царей башкирам. Уфа : Гилем, 2007. 228 с.
9. Макаров Д. М. Самодержавие и христианизация народов Поволжья во второй половине XVI — XVII в. Чебоксары, 1981. 102 с.
10. Ногманов А. И. Самодержавие и татары. Казань : Тат. книж. изд-во, 2005. 215 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое, Т. I. 1649–1675 гг. / под ред. М. М. Сперанского. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1072 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое, Т. II. 1676–1688 гг. / под ред.

М. М. Сперанского. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 979 с.

13. Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Казань : Центральная тип-я, 1897. Т. 1. 534 с.

14. Самсонов Н. В. Правовое положение мусульман в России во второй половине XVI — XVIII в. (историко-правовой аспект) : автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.

15. Царская грамота в Казань, о построении слободы с церковью и переводе туда из уезда новокрещенов, поколебавшихся от соседства с иноверцами в православной вере, о разрушении татарских мечетей, с запрещением впредь строить оные, и о недозволении русским людям жить в услужении у татар и немцев. 18 июля 1593 г. // Акты Археографических экспедиций. 1836. Т. 1, № 358. С. 436–439. URL: http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1580-1600/Fedor_I/gram_kazan_sloboda_novokresen_18_07_1593.php

16. Чернова Т. А. К вопросу о теоретико-методологической основе исследования русско-башкирских отношений середины XVI — середины XVIII в. // Социосфера. 2020. № 1. С. 13–16.

17. Чернова Т. А. К вопросу о характере эволюции евразийской макросистемы и российско-башкирского взаимодействия в XVI–XVII вв. (о причинах башкирского восстания 1662–1664 гг.) // Современная научная мысль. 2021. № 6. С. 39–43. URL: <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2021-6-39-43>.

18. Чернова Т. А. Конфессиональные аспекты русско-башкирских отношений в середине XVI века // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 30 (321). С. 69–74.

19. Чернова Т. А. Формирование принципов правового взаимоотношения российского государства с мусульманским населением Урало-Поволжья во второй половине XVI — XVII в. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18, № 3. С. 69–75. URL: <https://doi.org/10.14529/ssh180311>.

20. Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 1999. 352 с.

References

1. Azamatov DD. *Orenburg Mohammedan assembly at the end of the 18th — 19th centuries*. Ufa, Gilem, 1999. 193 p. (In Russ.).

2. Akmanov IG. *Bashkir uprisings of the 17th — 18th centuries — a phenomenon in the history of the peoples of Eurasia*. Ufa, Kitap, 2016. 376 p. (In Russ.).

3. Anninsky SA. News of Hungarian missionaries of the 13th– 14th centuries. About the Tatars and Eastern Europe. In: *Historical Archive*. Moscow, Leningrad, 1940. Vol. III. Pp. 71–112. (In Russ.).

4. *Bashkir shezhere*. Comp., trans. texts, introduction. and a comment by RG Kuzeev. Ufa, Bask. book. publishing house, 1960. 304 p. (In Russ.).

5. Zagidullin IK. On the decree of Tsar Fyodor Alekseevich “on the unsubcription of estates and patrimony from the Murzas and Tatars, and on the benefits that are provided to those who have accepted the Christian faith” dated May 16, 1681. *From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region*. 2016;(8);62-93. (In Russ.).

6. Zagidullin IK. Social aspects of the Christian enlightenment of the newly baptized in the Kazan region in the second half of the 16th — early 17th centuries. *Medieval Turkic-Tatar states*. 2016;(8);46-166. (In Russ.).

7. Kuzeev RG. *The origin of the Bashkir people: ethnic composition, history of settlement*. Moscow, Nauka, 1974. 576 p. (In Russ.).

8. Kulbakhtin NM. *Letters of the Russian tsars to Bashkirs*. Ufa, Gilem, 2007. 228 p. (In Russ.).

9. Makarov DM. *Autocracy and Christianization of the peoples of the Volga region in the second half of the 16th-17th centuries*. Cheboksary, 1981. 102 p. (In Russ.).

10. Nogmanov AI. *Autocracy and Tatars*. Kazan, Tat. book. publishing house, 2005. 215 p. (In Russ.).

11. *The complete collection of laws of the Russian Empire*. The first collection, Vol. I. 1649–1675. Ed. by MM Speransky. St. Petersburg, 1830. 1072 p. (In Russ.).

12. *The complete collection of laws of the Russian Empire*. The first collection, Vol. II. 1676–1688. Ed. by MM Speransky. St. Petersburg, 1830. 979 p. (In Russ.).

13. Pokrovsky IM. *Russian dioceses in the 16th - 19th centuries, their discovery, composition and limits. Experience of church-historical, statistical and geographical research*. 1897. Vol. 1. 534 p. (In Russ.).

14. Samsonov NV. *The legal status of Muslims in Russia in the second half of the 16th – 18th centuries (historical and legal aspect)*. Thesis abstract. Moscow, 2007. 26 p. (In Russ.).
15. The tsar's letter to Kazan, on the construction of a settlement with a church and the transfer there from the county of the New Baptists who hesitated from the neighborhood with the gentiles in the Orthodox faith, on the destruction of Tatar mosques, with a prohibition to build them in the future, and on the prohibition of Russian people to live in the service of the Tatars and Germans. July 18, 1593. In: *Acts of Archeographic expeditions*. 1836;1(358):436-439. URL: http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1580–1600/Fedor_I/gram_kazan_sloboda_novokresen_18_07_1593.php (In Russ.).
16. Chernova TA. On the question of the theoretical and methodological basis of the study of Russian-Bashkir relations in the middle of the 16th — middle of the 18th centuries. *Sociosphere*. 2020;(1):13-16. (In Russ.).
17. Chernova TA. On the nature of the evolution of the Eurasian macrosystem and Russian-Bashkir interaction in the XVI–XVII centuries (on the causes of the Bashkir uprising of 1662–1664). *Modern scientific thought*. 2021;(6):39-43. URL: <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2021-6-39-43>. (In Russ.).
18. Chernova TA. Confessional aspects of Russian-Bashkir relations in the middle of the XVI century. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2013;(30(321):69-74. (In Russ.).
19. Chernova TA. Formation of the principles of the legal relationship of the Russian state with the Muslim population of the Ural-Volga region in the second half of the 16th-17th centuries. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*. 2018;18(3):69-75. URL: <https://doi.org/10.14529/ssh180311>. (In Russ.).
20. Yunusova AB. *Islam in Bashkortostan*. Ufa, Ufa Polygraph Combine, 1999. 352 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Т. А. Чернова — кандидат исторических наук, доцент кафедры Педагогике и социально экономических дисциплин, доцент департамента образования.

Information about the author

T. A. Chernova — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Socio-Economic Disciplines, Associate Professor of the Department of Education.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.